

УДК 321
ББК 66.03

DOI 10.22394/1682-2358-2022-2-73-82

I.V. Suslov, *Candidate of Sciences (Sociology), Docent of the History, Political Science and Sociology Department, Saratov State Academy of Law*

THEORETICAL MODELS FOR POLITICAL DISSENT

Available theoretical approaches to the study of dissent as a political phenomenon of the communicative space are analyzed, and the conclusion about the relevance of their application in conditions of modern Russia is drawn. The research focuses on the analysis of communicative and discursive approaches, as well as the critical (neo-Marxist) paradigm.

Key words and word-combinations: dissent, public sphere, discourse analysis, ideology.

И.В. Суслов, *кандидат социологических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии (suslov85@inbox.ru)*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНАКОМЫСЛИЯ*

Аннотация. Анализируются имеющиеся теоретические подходы к изучению инакомыслия как политического феномена коммуникативного пространства и сделан вывод об актуальности их применения в условиях современной России. В фокусе исследования находится анализ коммуникативного и дискурсивного подходов, а также критической (неомарксистской) парадигмы.

Ключевые слова: инакомыслие, публичная сфера, дискурс-анализ, идеология.

Инакомыслие (его общепризнанный синоним — диссидентство, в переводе с латинского — несогласие) как общественное явление ускользает от определений. Несогласие в качестве одной из базовых реакций на социальные, политические, экономические, культурные предписания, занимая фундаментальное место в общественном бытии, оказывается весьма сложной, а потому

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта «Инакомыслие и политизация творческой интеллигенции в современной России: значение и потенциал дискурсов и дискуссий в цифровом публичном пространстве» № 21-011-32221.

и слабо изученной, а также концептуализированной и операционализированной темой в науке. Не завоевав особого внимания в научном мире, инакомыслие часто встречается в дискурсе политическом, журналистском, религиозном и иных.

Наиболее известным примером инакомыслящих являются представители советского диссидентства, гонимые за идеи и убеждения властью авторитарных и тоталитарных режимов государств Восточной Европы. При этом отметим, что инакомыслие проявлялось и в других обществах и исторических периодах (в том числе и западнодемократических политиях).

Внимание к инакомыслию обычно возникает в контексте его преследования. Подавление инакомыслия — это популярное обвинение в политических спорах. Превращение общественного явления в ярлык, который используется оппонентами в дебатах, не способствует его научному изучению. Попробуем проанализировать теоретические подходы к изучению инакомыслия как политического феномена коммуникативного пространства и сделать выводы об актуальности их применения в условиях современной России.

Дискуссии по проблемам инакомыслия как политическом феномене может происходить в рамках коммуникативной парадигмы Ю. Хабермаса, утверждающего появление в эпоху Просвещения публичной сферы в качестве важного атрибута модернистского общества. Развитие в XIX в. в западном мире книгопечатания, средств коммуникации, увеличение аудитории читателей журналов и газет, рост популярности литературных салонов, клубов, кофеен, чайных домов привело к возникновению единого информационного поля обмена мнений и площадок обсуждения социально-политических проблем и образованию воображаемой общности индивидов [1].

В России формирование институтов общественного мнения шло медленнее и было связано с процессами профессионализации литературно-критической деятельности и расширением слоя разночинской демократической интеллигенции [2]. В 1859 г. А.К. Толстой и братья Жемчужиновы под псевдонимом Козьма Прутков представили «Проект о введении единомыслия в России», в котором иронически описали вред государству от разномыслия во взглядах и убеждениях его подданных. Уровень инакомыслия напрямую связывался с характером государственной регуляции публичной сферы. В XIX в. государству было сложно поставить под контроль публичную сферу коммуникативного пространства. Однако в 1930-е годы в СССР данная задача была выполнена, а следовательно, инакомыслие искоренено.

В рамках коммуникативной парадигмы подавление инакомыслия может конструироваться или интерпретироваться как установление государственного (или иного) контроля сферы публичных коммуникаций. Например, Ю. Хабермас в лекции, прочитанной в постсоветской Москве, указывал на отсутствие в СССР публичного пространства, где граждане могли бы обсуждать политику государства [3, с. 72], а границы публичной и приватной сферы, как заметила Х. Арндт, были размыты и прозрачны.

Стремление власти в тоталитарном государстве стереть границу между общественным и частным стимулировало появление инакомыслия в СССР в приватном пространстве после его уничтожения в пространстве публичном. Завсегдатаи ленинградского кафе «Сайгон» определяются Е. Здравомысловой как маргиналы публичной сферы советского общества, создавшие в ткани города приватное пространство, свободное от официальных норм [4, с. 662].

Эрозия тоталитаризма в периоды оттепели и застоя позволяла появиться приватно-публичной сфере, свободной от контроля власти и наполненной плюрализмом идеологических позиций и мнений. Инакомыслием в такой интерпретации является попытка советских диссидентов внести свою повестку в обсуждения, которые шли в публичной сфере. Как писал В.М. Воронков, движение диссидентов демонстративно нарушало установленные государством официальные правила коммуникации, так как в публичном пространстве предлагалось обсуждать запрещенные темы [5, с. 169].

Таким образом, инакомыслие в коммуникативной парадигме может быть концептуализировано как феномен публичной критики (в форме обсуждения) государственной политики. Зарождение в XIX в. публичной сферы относительно свободного коммуникативного пространства в Западной Европе создало условия для общественных дискуссий и социальной критики. Закрепление ценностей свободы слова, совести и вероисповедания позволило встроить инакомыслие в пространство публичной сферы западного общества.

В СССР контроль власти над публичным пространством сочетался с официальной декларацией ценностей свободы, что сопровождало и способствовало появлению в приватном пространстве зон, независимых от государства, где зарождалось инакомыслие. В период оттепели из-под государственного контроля уходят квазипубличные пространства («интеллигентская кухня»), концентрирующие критические по отношению к режиму настроения.

Марксистская (критическая) традиция в качестве ключевого концепта ориентирована не на публичные сферы, а на идеологию. К. Маркс,

а позднее неомарксисты (Г. Лукач, А. Грамши [6] и социальные философы из Франкфуртского института социальных исследований [7]) критиковали буржуазные общества, подавляющие инакомыслие и навязывающие с помощью манипулятивных техник ложную антиреволюционную идеологию, а позднее (во второй половине XX в.) — идеалы общества потребления.

Итальянский мыслитель-коммунист А. Грамши писал об идеологической «гегемонии» буржуазии, которая посредством школ, профсоюзов, общественных объединений, средств массовой информации оправдывает свое «естественное и незыблемое» господство над массами [8, с. 41]. Основатели Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер) были известны систематической критикой тех культурных форм, в которых воплощается политическое доминирование в условиях массового общества [9].

Феномен ограничения свободы в обществах с развитой и независимой публичной сферой изучала Э. Ноэль-Нойман, при этом раскрывалась суть теории «спираль молчания» об особенностях свободного волеизъявления граждан в демократических государствах [10]. Ж. Бодрийар называл молчаливое большинство Франции инертной и пассивной массой, которую не заботит ничего кроме «хлеба и зрелищ» [11]. Н. Хомский и Э. Херман в работе «Производство согласия: политическая экономия средств массовой информации» утверждали, что протест и инакомыслие, канализируясь средствами массовой коммуникации в русло моды, принимают символические формы [12]. В трудах историка А.В. Шубина исследуется преследование инакомыслия в западных обществах, где существуют идеологические механизмы, защищающие публичную сферу от проникновения нежелательных идей, что затрудняет свободу выражения мнений [13].

Критическая (марксистская) теория позволяет обнаружить подавление инакомыслия и в обществах с развитыми и независимыми публичными сферами, тем самым определяется и конструируется особый вариант феномена инакомыслия как модели мышления и образа жизни, входящего в противоречие с «буржуазной» идеологией.

Если критическое острие теории публичной сферы направлялось прежде всего на СССР, а неомарксистская парадигма нацеливалась на разоблачение диктата буржуазной западной идеологии, то третий подход — дискурсивный, ориентированный на объект анализа — собственно высказывания и правила их производства, может считаться политически нейтральным.

Дискурсивный анализ М. Фуко, утверждающий связь между словом и властью, предполагает исследование инакомыслия как альтер-

нативный (критический) тип рассуждений, оказывающий сопротивление режиму производства и функционирования истины [14]. При этом критике может быть подвергнут режим производства истины как консервативного, так и либерального или социалистического государства.

В рамках дискурсивного подхода коммуникативное пространство можно представить в качестве сложной сети пересекающихся и конкурирующих локальных арен (мини-публичных сфер), созданных как властными, так и оппозиционными структурами. Для характеристики оппозиционного коммуникативного пространства Н. Фрейзер использовал термин контрпублики, понимая под ним дискурсивную арену, в которой подчиненная социальная группа создает и распространяет контрдискурсивную «интерпретацию своих идентичностей, интересов и потребностей» [15]. Следовательно, анализ инакомыслия в дискурсивном подходе — это в первую очередь лингвистическое исследование особенностей функционирования коммуникативного пространства оппозиционного существующему режиму производства истины и форм речевого сопротивления.

А. Юрчак, например, в позднесоветской культуре выделяет «авторитетный дискурс» (революционный язык, визуальную пропаганду, ритуалы), строгую догму, которая, с одной стороны, становится привычным и обыденным явлением повседневности, а с другой — обесмысливается, теряет свою конструктивную сущность [16]. Уклонение от давления авторитетного дискурса происходило в литературных, археологических кружках, во время застолий, посиделок и богемных тусовок, в туристических походах, на кухнях и в котельных.

В исследовании А. Юрчака теория дисциплинарной власти М. Фуко, позволяющая понимать инакомыслие как речевую практику идеологического сопротивления, навязываемому режиму «истинности», «истинного знания» [17, с. 8—9], соединяется с теорией практик. Один из классиков прагматического подхода М. де Серто изучал, как общество сопротивляется властной стратегии на микроуровне [18, р. 14]. В этом случае инакомыслие предстает в качестве повседневных практик производства альтернативного знания о реальности в контексте сопротивления идеологическому диктату.

Парадигма сопротивления власти, понимаемая в фукианском стиле, прижилась в этнографических изысканиях, ориентированных на деконструкцию дискурсов власти. Дж. Скотт предложил концепт «скрытые послания», вырабатывающиеся доминирующими и подчиненными группами в различных не сообщающихся между собой символических пространствах [19].

Обращение к практикам позволяет выйти на уровень эмпирического анализа повседневности инакомыслия в приватной или публичной сфере, а также исследовать тактики сопротивления техникам манипуляции сознания. Инакомыслие в прагматической парадигме рассматривается как конкретное контрдействие или высказывание, имеющее целью сопротивление навязываемому дискурсу.

Антиавторитарный политолог, рассуждая в контексте коммуникативного подхода, представит феномен инакомыслия как форму политической борьбы, философ (около)марксистских взглядов — как проявление сомнения в справедливости и гуманности основ социального бытия, (пост)структуралист-фуколядианец — как высказывание, противоречащее правилам доминирующего дискурса, а социальный антрополог — как тактику сопротивления «слабого».

Политологического (первого из названных) понимания феномена инакомыслия придерживается К. Шулецьки, отмечая, что диссидентское движение в условиях авторитарного режима выполняет функции демократического оппозиционного движения. Требование свободы инакомыслия, в свою очередь, находится в одном ряду с требованиями защиты прав человека, пацифизма и антиглобализма [20]. Политологическое понимание инакомыслия базируется на классическом тезисе Р. Даля о важности активного диалога оппозиции и правительства в публичном коммуникативном пространстве для стабильности и выживания обеих конкурирующих сторон [21].

Российские политологи также определяют инакомыслие как важный признак политической оппозиции [22, с. 276]. Л. Тимофеева предлагает считать оппозицию альтернативной властью «со своим набором смысловых политических кодов, выбранных в данный момент меньшинством в обществе» [23, с. 141]. Критика и альтернативные предложения в публичном пространстве определяются как способ борьбы оппозиции со стремлением власти к «монополии на информацию, обладанию правом на первоочередную номинацию, определение повестки дня дискурса» [24, с. 115].

Современные критические (марксистские) исследования западных демократий определяют диссидентство как сомнения, высказанные в публичном пространстве, во-первых, в справедливости системы государственного управления и судопроизводства; во-вторых, способности политических институтов обеспечить широкое прямое гражданское участие; в-третьих, честности выборов; в-четвертых, возможности породить механизм самоуправления ненасильственным путем [25].

Однако процессы цифровизации общества переформатируют социальные отношения в экономике, культуре и политике, что позво-

ляет каждому желающему высказываться в виртуальном публичном пространстве Интернета. Виртуальные социальные сети, новые социальные медиа (обладающие большим уровнем независимости от государства) предлагают площадки для политических дискуссий и каналы распространения информации. Однако проблемы инакомыслия (его дискурса и повседневных практик сопротивления) вместо исчезновения приобретают новые оттенки, которые можно увидеть с помощью дискурсивного подхода.

Социальные сети, по мнению К. Ширки, позволяют каждому желающему покинуть позицию «слабого игрока», которую занимали граждане в эпоху модерна по отношению к сильному государству, продуцирующему обществу доминирующий дискурс [26]. Следовательно, существует вероятность того, что инакомыслие легализуется в открытом (публичном) информационном пространстве, а в политической сфере произойдет перераспределение власти, политических возможностей и ресурсов.

Однако дискурсивный подход, раскрывающий особенности производства высказываний, знаний и истины, указывает на опасность возникновения «эхо-камер». В работе «Демократия и фильтрация» К. Санстейн предупреждает: «Интернет предоставляет нам возможность отфильтровывать нежелательный шум и создавать собственные “эхо-камеры / комнаты”, но ведь демократия подразумевает, что каждый из нас должен быть ознакомлен со всем, что происходит в мире, и со всеми противоположными точками зрения» [27, р. 58]. Итак, цифровое пространство, с одной стороны, проявляет дружелюбие по отношению к инакомыслию. С другой стороны, существует опасность раскола / расхождения общества по маленьким идеологическим эхо-камерам, внутри которых инакомыслие подавляется, а единомышленники постепенно формируют все более радикальные позиции, а также демонизируют несогласных с их убеждениями людей. «Люди испытывают позитивные чувства, когда сталкиваются с информацией, которая подтверждает их мнение» и стараются свести к минимуму получение нежелательной информации [28, р. 318].

Публичная сфера, коммуникация, идеология, дискурс и практики — термины, позволяющие вскрыть и описать феномен инакомыслия. Концепция публичной сферы обладает наибольшим политологическим потенциалом, но, к сожалению, весьма политизирована. Критический подход позволил раскрыть феномен инакомыслия в демократических обществах, увеличив тем самым количество аспектов его познания. Марксистский бэкграунд М. Фуко, сделавшего популярным дискурс-анализ, является, безусловно, не случайным. Дискурс и практики мож-

но рассматривать как основные предметы эмпирических исследований инакомыслия. Критический неомарксистский подход позволяет объяснить технологии подавления инакомыслия и используется для критики западных обществ, но не объясняет его сути. Коммуникативный подход определяет подавление инакомыслия как феномен незападных обществ.

Любопытно, что в разных подходах предлагаются различные способы рассуждения об инакомыслии: это и желание публичных высказываний, и признание факта подавления инакомыслия в «буржуазных» обществах, и форма тактики тихого сопротивления идеологическому диктату. Характеристики инакомыслия изменялись под влиянием процессов модернизации или перехода из традиционного общества в индустриальное, а затем информационное. Цифровизация публичного пространства (и появление эхо-камер, замкнутых сообществ, плюрализация общественного мнения) с позиций дискурсивного подхода может трактоваться как негативный фактор, снижающий значимость и уровень дискуссий в публичном пространстве.

Таким образом, в данной публикации предложена концептуализация феномена инакомыслия с привлечением теоретических разработок и терминов коммуникативного и дискурсивного подходов, а также неомарксистской (критической) теории. Новизна полученных результатов обусловлена недостаточностью теоретического внимания к феномену инакомыслия в научном дискурсе, а также избыточностью и политической ангажированности концепта «преследования инакомыслия», который в медийном дискурсе выступает в роли негативного ярлыка, прикрепляемого на политических противников.

Критический анализ теоретических подходов к изучению инакомыслия позволяет предложить набор терминов и концептов, делающих возможным описание и анализ современной политической повестки, важной частью которой является политизация деятелей культуры, искусства и шоу-бизнеса.

Обзор эмпирических исследований феномена инакомыслия позволил определить три основные темы, которые оказываются в центре современных научных дискуссий.

Во-первых, продолжают исторические исследования феномена инакомыслия в СССР как зарубежными, так и отечественными исследователями, что придает актуальность обсуждениям политических параллелей между современной Россией и СССР. Однако подобные дискуссии являются скорее формой политической борьбы в символическом поле, чем важными научными изысканиями.

Во-вторых, политическое инакомыслие некоторыми политологами рассматривается как атрибут и важная черта современной оппозиции (и в России, и на Западе). Но чаще феномен инакомыслия упоминается в журналистско-публицистическом поле СМИ, а не в научном дискурсе.

В-третьих, цифровизация общественных процессов сопровождается появлением исследований, переосмысляющих феномен инакомыслия, переместившегося в виртуальное пространство. Цифровизация публичного пространства повысила роль и потенциал воздействия на политические процессы акторов, обладающих известностью, а значит и высоким количеством подписчиков в социальных сетях, значительная часть которых состоит из деятелей культуры, искусства и шоу-бизнеса, что определяет необходимость пересмотра причин, форм и последствий их политизации, особенно проявившей себя в последние пять лет.

Проведенный анализ позволяет утверждать наличие эвристического потенциала у концепта «инакомыслие» при исследовании целого ряда политических конфликтов и процессов в современной России. В частности, околополитические и критические позиции, высказывания и действия представителей такой социальной группы, как знаменитости из мира культуры, искусства и шоу-бизнеса, можно определить как проявление инакомыслия, которое, в свою очередь, обычно относят к специфической разновидности оппозиционности.

Библиографический список

1. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, 1989.
2. *Волков В.* Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 4.
3. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. М., 1995.
4. *Здравомыслова Е.* Ленинградский «Сайгон» – пространство негативной свободы // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 660–676.
5. *Воронков В.М.* Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 168–200.
6. *Лукач Г.* История и классовое сознание: Исследования по марксистской диалектике. М., 2003.
7. *Маркузе Г.* Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2002.
8. *Грамини А.* Тюремные тетради. М., 1991.
9. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб., 1997.
10. *Нозль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.

11. *Бодрийар Ж.* В тени молчаливого большинства. М., 2001.
12. *Herman E., Chomsky N.* Manufacturing Consent. The Political Economy of the Mass Media. London: Vintage, 1994.
13. *Шубин А.В.* Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008.
14. *Фуко М.* Политическая функция интеллектуала // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002.
15. *Fraser N.* Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // *Habermas and the Public Sphere* / Ed. by C. Calhoun. Cambridge, 1992.
16. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / предисл. А. Беляева; пер. с англ. М., 2014.
17. *Фуко М.* Безумие и общество // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. С. 8–9.
18. *Certeau M. de.* The Practice of Everyday Life. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1993.
19. *Scott J.* Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. Yale University Press, 1990.
20. *Szulecki K.* Smashing Concrete with Words. The Central European ‘Dissidents’, their Representations and Discourses // *Civil Society in Central and Eastern Europe before and after the End of Socialism* / Ed. by S. Fischer and H. Pleines. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2010.
21. *Dahl Robert A.* Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971.
22. Савенков Р.В. Современные исследования политической оппозиции в России // ПОЛИТЕКС. 2019. № 2. С. 275–290.
23. *Тимофеева Л.Н.* Власть и оппозиция в России: особенности отношений (социально-исторический аспект) // Социология власти. 2005. № 1. С. 140–154.
24. *Тимофеева Л.Н.* Публичная критика как средство предупреждения насилия в обществе // Политическая наука. 2020. № 3. С. 114–146.
25. *Lovell J.S.* Crimes of Dissent: Civil Disobedience, Criminal Justice and the Politics of Conscience (Alternative Criminology). N.Y.: New York Univ. Press, 2009.
26. *Shirky C.* Cognitive Surplus: How Technology Makes Consumers into Collaborators. L.: Penguin Books, 2011.
27. *Sunstein C.R.* Democracy and Filtering // *Communications of the ACM*. 2004. Vol. 47, № 12. P. 57–59.
28. *Colleoni E., Rozza A., Arvidsson A.* Echo Chamber or Public Sphere? Predicting Political Orientation and Measuring Political Homophily in Twitter Using Big Data // *Journal of Communication*. 2014. Vol. 64, № 2. P. 317–332.